

**Русское царство от
прекращения Рюрикова Дома
до воцарения Дома
Романовых Смутное время**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русское царство от прекращения Рюрикова Дома до воцарения Дома Романовых Смутное время / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 51 с.

ISBN 978-5-458-12934-3

ISBN 978-5-458-12934-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

хотя явныхъ казней не было, за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (они были двоюродными братьями покойнаго царя Ѳедора): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя, и разослали по отдаленнымъ мѣстамъ въ заключеніе, а старшаго изъ братьевъ Ѳеодора Нивитича постригли въ монахи (подъ именемъ Филарета) и заточили въ монастырь Антонія Сійскаго.

Въ царствованіе Годунова шпіонство развилось до крайнихъ предѣловъ. По московскимъ улицамъ — говорятъ современники — «то и дѣло сновали мерзавцы, да подслушивали», и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говорунъ хватаетъ и въ пытку... Гдѣ только люди соберутся, тамъ являются соглядатаи и доносчики. Все пустилось на доносы, потому что это было выгодно. Вообще достаточно было одного обвиненія въ недоброжелательствѣ царю: подозрѣваемыхъ тотчасъ подвергали пыткамъ; а если они подъ пыткою оказывались сколько нибудь виновны, ихъ заключали въ темницы или отправляли въ ссылку. Общевременно обвиняли опальныхъ въ колдовствѣ. Борисъ всѣми силами скрывалъ то, чего онъ дѣйствительно искалъ, но высказывалъ другаго рода страхъ, чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже въ Польшѣ поговариваютъ, будто законный наследникъ прежнихъ государей московскихъ живъ. Борисъ, не упоминая имени Димитрія, приказалъ поставить на западной границѣ караулы, всѣхъ задерживать и доносить ему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было переѣзжать изъ города въ города. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ преступниковъ, но никому не объявляли, кого ищутъ. По всему Московскому государству было схвачено и перемучено множество невинныхъ людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

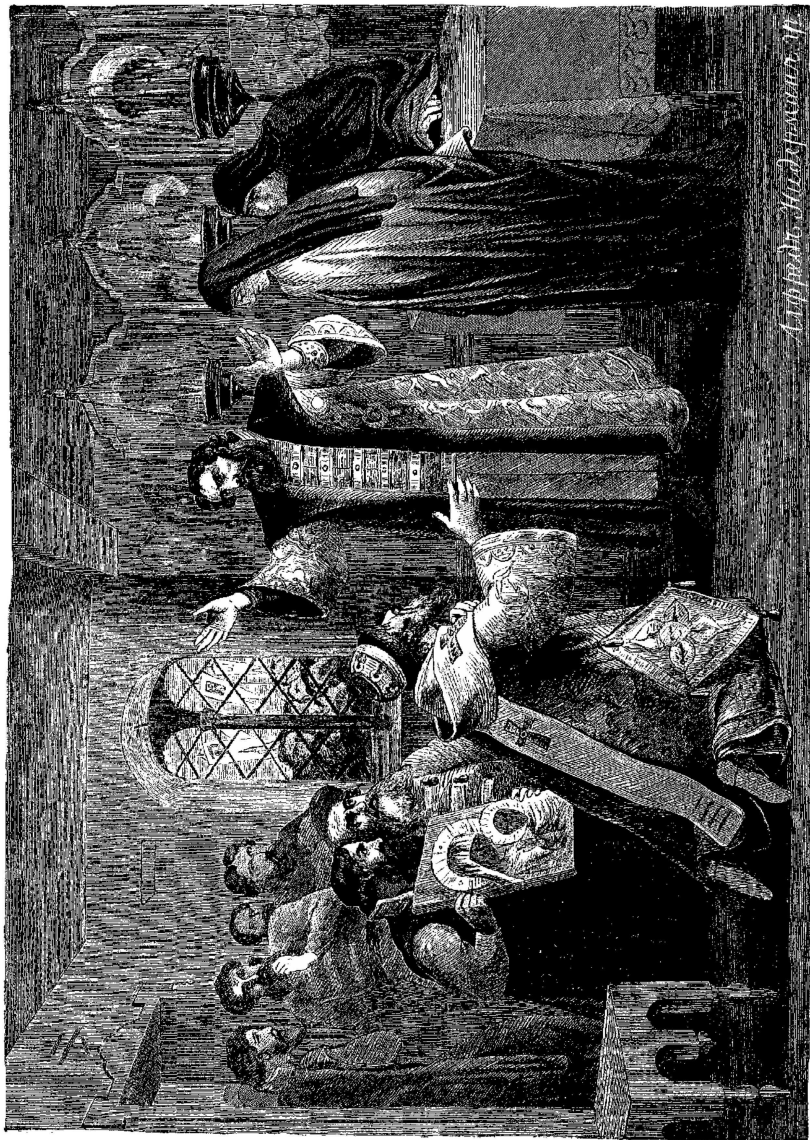
Въ эти тяжелыя времена доносовъ и пытокъ, постигъ Русскую

землю страшный голодъ. Вслѣдствіе неурожаевъ такое бѣдствіе постигло Московское государство, по словамъ современниковъ, какого не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Въ одной Москвѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ толпы нищихъ, погибали десятки тысячъ людей. Бѣдняки ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже, въ припадкѣ бѣшенства, съ голоду пожирали другъ друга. Вареное человѣческое мясо продавалось на московскихъ рынкахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ, потому что его могли зарѣзать и съѣсть.

Такъ въ продолженіи трехъ лѣтъ страшный голодъ терзалъ Русскую землю. Современники говорятъ, будто въ эти ужасные три года въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человѣкъ.

Борисъ, однако, не хотѣлъ, чтобы вѣсть о такомъ печальномъ положеніи народа въ его государствѣ дошла за границу, и воображалъ, что можно утаить его. Поэтому, когда, по окончаніи голода, въ Москву пріѣхали иноземные послы, то Борисъ приказалъ всѣмъ наряжаться въ цвѣтные платья, а бѣднякамъ запрещено было въ своихъ лохмотьяхъ являться на дорогу. Смертная казнь была обѣщана тому, кто станетъ рассказывать пріѣзжимъ иноземцамъ о бѣдствіяхъ Московскаго государства.

Въ эти злополучные голодные годы въ народѣ возникло убѣжденіе, что царствованіе Бориса не благословляется Небомъ, потому что, достигнутое беззаконіемъ, оно поддерживается неправдою; толковали, что если утвердится на престолѣ родъ Бориса, то не принесетъ Русской землѣ счастья. Люди родовитые оскорблялись и тѣмъ, что на царскомъ престолѣ сѣлъ потомокъ татарина. Становилось желательнымъ, чтобы нашелся такой, который имѣлъ бы въ глазахъ народа гораздо болѣе правъ передъ Борисомъ. Такимъ лицомъ былъ именно Дмитрій, сынъ прежняго государя (Ивана Грознаго). Мысль о томъ, что онъ живъ и скоро явится отнимать у Бориса похищенный престолъ, все болѣе и болѣе распространялась въ народѣ, а же-

Воржъ Годуновъ принимаетъ царскій санъ.

стокія преслѣдованія со стороны Бориса скорѣе поддерживали ее, чѣмъ искореняли. И вотъ, въ началѣ 1604 года, перехвачено было письмо, писанное однимъ иноземцемъ изъ Нарвы: въ этомъ письмѣ было сказано, что явился сынъ московскаго царя Ивана Васильевича, Дмитрій, который находится будто бы у казаковъ, и Московскую землю скоро достигнетъ большое потрясеніе. Вслѣдъ затѣмъ, пришли въ Москву люди, взятые въ плѣнъ казаками подъ Саратовомъ и отпущенные на родину; они принесли вѣсть, что казаки грозятъ скоро придти въ Москву съ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ.

Народъ ожидалъ чего-то необычайнаго. Давно носились рассказы о разныхъ видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ. Ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, опрокидывали колокольни. Женщины и домашнія животныя производили на свѣтъ уродовъ. Въ Москву забѣгали волки и лисицы; на небѣ стали видѣть по два солнца и по два мѣсяца. Наконецъ лѣтомъ 1604 года явилась комета, и астрологъ-нѣмецъ предостерегалъ Бориса, что ему грозятъ важныя перемѣны.

Царь Борисъ, услышавши, что въ Польшѣ явился какой-то челоуѣкъ, выдававшій себя за Дмитрія, началъ съ того, что подъ предлогомъ, что въ Литвѣ свирѣпствуетъ какое-то повѣтріе, велѣлъ учредить на литовской границѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого ни изъ Литвы, ни въ Литву, а внутри государства умвожилъ шпионовъ, которые всюду прислушивались: не говоритъ ли кто о Дмитріи, не порицаетъ ли кто Бориса. Обвиненнымъ рѣзали языки, сажали ихъ на колья, жгли на медленномъ огнѣ и, даже, по одному подозрѣнію ссылали въ Сибирь, гдѣ предавали тюремному заключенію. Борисъ становился недоступнымъ, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками и толчками отъ дворцоваго крыльца; а начальныя люди, зная, что до царя на нихъ не дойдутъ жалобы, безнаказанно совершали разныя насилія и увеличивали ненависть народа въ Борису. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской

Уврайтъ подъ знаменемъ Димитрія собирается ополченіе и со дня на день нужно ждать вторженія въ московскіе предѣлы, а въ іюлѣ посланникъ нѣмецкаго императора сообщилъ отъ имени своего государя, по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій, и надобно принимать противъ него мѣры. Борисъ приказалъ отвѣтить посланнику, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ, и царь его не боится. Однако, посовѣтовавшись съ патріархомъ, царь находилъ, что нужно же объяснить, и самимъ себѣ, и народу, кто такой этотъ обманщикъ. Стали думать, и придумали, что это должно быть бѣжавшій въ 1602 году Григорій Отрепьевъ. Онъ былъ родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ. Патріархъ Іовъ взялъ его къ себѣ для книжнаго письма, ради того, что Отрепьевъ былъ грамотѣ гораздъ. Бывая съ патріархомъ у государя во дворцѣ, Отрепьевъ зорко присматривался ко всему обиходу царскому, прислушивался ко всѣмъ рѣчамъ, особенно къ тому, что тайно говорилось про царевича Димитрія. Скоро сталъ онъ похваляться чудовскимъ монахамъ, что будетъ въ Москвѣ царемъ. Слухъ объ этомъ дошелъ до царя Бориса, и онъ велѣлъ, за вранье и пустяя рѣчи, сослать Григорія въ дальній монастырь подъ строгій надзоръ. Но вѣрно помогли сильные люди—враги Бориса: вмѣсто ссылки Отрепьевъ бѣжалъ въ Литву. Поживши тутъ въ разныхъ мѣстахъ и научившись латинскому и польскому языкамъ, Отрепьевъ поступилъ слугою къ богатому и знатному князю Вишневецкому. Здѣсь онъ прикинулся тяжело-больнымъ, просилъ позвать къ нему духовника, которому на исповѣди сказалъ, что онъ русскій царевичъ Димитрій, спасенный отъ руки злодѣевъ; что вмѣсто него зарѣзанъ въ Угличѣ другой ребенокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ духовника, пока онъ не умретъ, никому не открывать этой тайны. Священникъ не вытерпѣлъ, сказалъ объ этомъ князю Вишневецкому, а тотъ разгласилъ вездѣ по сосѣдству. Когда Отрепьевъ выздоровѣлъ, то Вишневецкій и всѣ сосѣдніе помѣщики стали ока-

зывать ему большой почетъ, какъ царскому сыну. Узналъ объ этомъ и Сигизмундъ, король польскій и литовскій, пожелалъ видѣть русскаго царевича, привялъ его съ ласкою и велѣлъ давать ему большое жалованье на прожитіе.

Такъ пошло въ ходъ дѣло, второе задумали бояре, Борисовы недруги. Но оно, можетъ, и не удалось-бы, если бы не помогли Отрепьеву хитрые латинскіе монахи—іезуиты. Они готовы были накликать всякое зло на Россію, лишь бы подкопаться подъ православную вѣру и ввести свою, римскую. Они растолковали Отрепьеву, что не будетъ ему удачи и подмоги въ Польшѣ и Литвѣ, пока онъ не пообѣщается ввести въ Московскомъ государствѣ латинскую вѣру. Отрепьевъ обѣщалъ и самъ принялъ тайкомъ латинство. А чтобы надежнѣе скрыть свое самозванство, онъ назвалъ Григоріемъ Отрепьевымъ одного пьянчугу-монаха, который приметъ проживалъ.

Послѣ этого іезуиты стали хлопотать, чтобы король далъ Отрепьеву рать. Но Сигизмундъ не хотѣлъ вступать въ открытую войну съ Борисомъ, не хотѣлъ также и іезуитамъ отказать. Онъ призвалъ къ себѣ Сендомирскаго воеводу Юрія Мнишка, и дозволилъ ему, набравъ армию изъ праздною воинственной польской шляхты, идти съ самозванцемъ въ Московское государство, будто по своей волѣ, безъ королевскаго слова. Этому Мнишка Отрепьевъ зналъ уже раньше; его красавица дочь, Марина, сильно приглянулась и полюбила самозванца. Отрепьевъ поставался за нее, Марина дала ему слово, но свадьбу отложила до того времени, когда женихъ будетъ московскимъ государемъ.

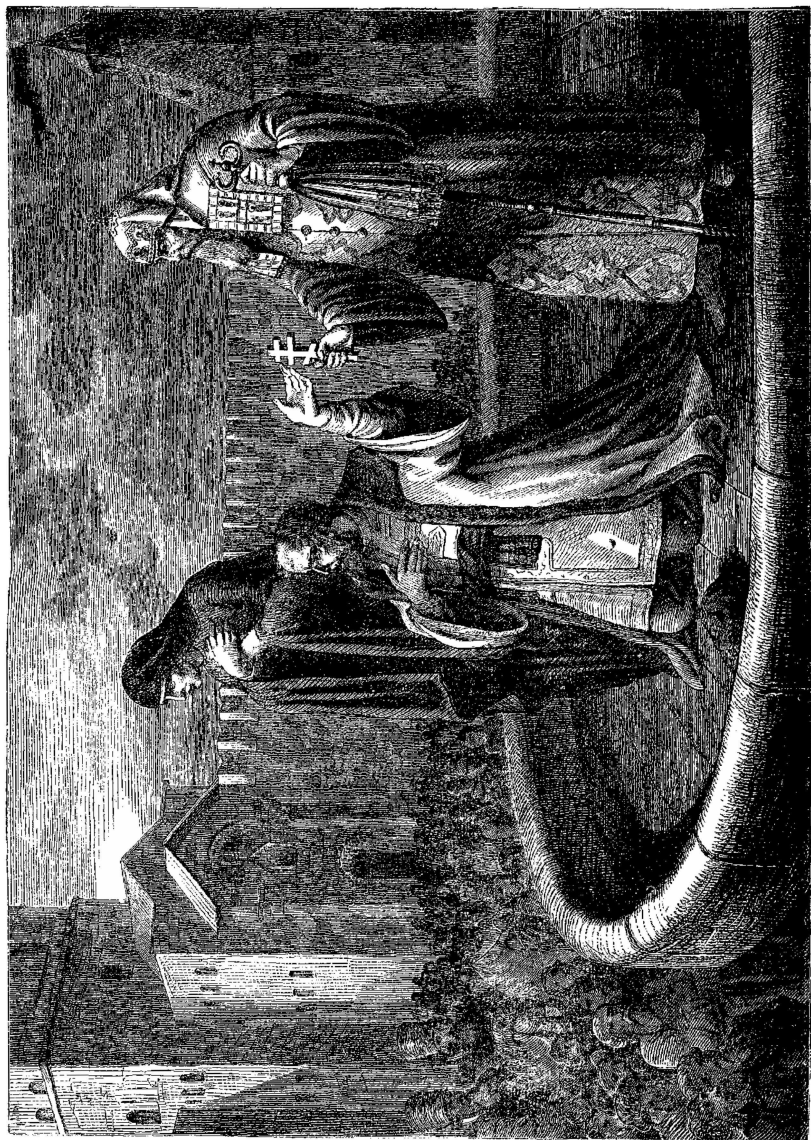
Борисъ сильно перепугался, узнавъ, что дѣло завязалось не шутное. Патріархъ Іовъ, во всемъ послушный Борису, взялся объяснить народу это запутанное дѣло. Умалчивая о томъ, какъ не стало Дмитрія, первопрестольникъ русской церкви увѣрялъ въ своей грамотѣ народъ, что называющій себя царевичемъ Дмитріемъ есть бѣглый монахъ—Гришка Отрепьевъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ

съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку, повелѣлъ во всѣхъ церквахъ предавать анаемѣ его и съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто станетъ называть его Димтріемъ.

Ни патриаршая грамота, ни обрядъ проклятiя не расположили къ Борису народа русскаго. Московскіе люди считали всѣ увѣренiя патриарха ложью. По поводу проклятiя говорили: «Пусть, пусть проклипають Гришку! отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ—Димтрій, а не Гришка». Борисовы шпионы продолжали подслушивать, и не проходило дня, чтобы въ Москвѣ не мучили людей кнутомъ, желѣзомъ и огнемъ.

Тѣмъ временемъ подъ знаменами самозванца собрались польско-литовскіе шляхтичи, жадные искатели приключенiй и золота; къ нимъ присоединилось много казаковъ, которые также рассчитывали поживиться въ ненавистой имъ Москвѣ. Всего набралось у Отрепьева разныхъ людей 4000, и въ октябрѣ 1604 года онъ перешелъ Двѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ-Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Васмановъ. Самозванецъ засѣлъ въ Путивлѣ, куда со всѣхъ сторонъ приходили русскіе бить челомъ своему прирожденному государю. Борисъ ясно увидѣлъ, что могущество Лжедмитріа заключалась не въ военной силѣ, а въ готовности народа и войска перейти при первомъ удобномъ случаѣ на его сторону, такъ какъ всѣ вѣрили, что онъ настоящій царевичъ.

Борисъ былъ въ страшномъ томленіи, обращался къ ворожеямъ, предсказателямъ, запирался и цѣлыми днями сидѣлъ одинъ, а сына своего Федора посылалъ молиться по церквамъ. Казни и пытки не прекращались. Борисъ начиналъ видѣть измѣну даже въ близкихъ ему людяхъ и, не надѣясь сладить съ соперникомъ посредствомъ военной силы, онъ рѣшилъ попытаться тайнымъ убійствомъ избавиться отъ своего врага. Попытка эта не удалась. Монахи, которыхъ въ

Инокня Марфа и Шуйский подтверждают смерть Димитрия.

